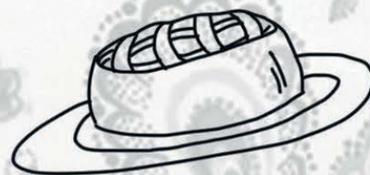

ЛЮБЛЮ

ПИСЬМО СЧАСТЬЯ

Елена Нестерина

Елена Нестерина

Письмо счастья

«Елена Нестерина»

2005

Нестерина Е. В.

Письмо счастья / Е. В. Нестерина — «Елена Нестерина», 2005

ISBN 978-5-51-702004-8

Серьёзная девочка Тоня, волей злой судьбы оказавшаяся с маленькой сестрой в деревенском доме у тёмного леса, и бойкий цыганёнок Васька, бросивший школу и промышляющий чем-то не совсем законным... Что у них может быть общего? Любовь, вот что! Такая светлая, такая сильная – что, казалось бы, все на свете должны помогать юным влюблённым. Но их разлучают – не раз и не два... Может быть, разлучённые в третий раз, они успокоятся и забудут друг друга?

ISBN 978-5-51-702004-8

© Нестерина Е. В., 2005
© Елена Нестерина, 2005

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	19
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Елена Нестерина

Письмо счастья

повесть

Глава 1

Деревня Ласточки

Автобус уже скрылся за лесом, а Тоня и Маша всё стояли у обочины дороги. Вокруг было тихо-тихо, только ясный спокойный воздух над полем, казалось, дрожал и слегка звенел. Хорошо, как же хорошо было солнечным днём самой ранней осени!

Далеко было видно вокруг. Только слева обзор загораживал пожелтевший лес с тёмными соснами, а впереди – ух! туда-туда-туда вдаль, перепаханые поля, широкие луга, снова лес, за ним высокие песчаные холмы и речка. Её, конечно, не разглядеть: но именно там, где речка весело выныривает из леса и бежит вдоль холмов через луга, и стоит милая деревня Ласточки. Туда, в Ласточки, и должны были попасть Тоня с Машей.

Они всегда высаживались из автобуса здесь, пару километров не доезжая до села, где была остановка, сходили с трассы и через поле, луга, лес и перелески шли в свою деревню. Примерно пять километров – вот сколько нужно было отшагать сейчас девочкам.

Видно, с тех пор, как поле вспахали, никто не ходил от трассы к Ласточкам этим путём. Если бы девочки это знали, они не шли бы по пахоте, а высадились из автобуса на остановке в селе Беклемищево. И уже оттуда, из Беклемищева, отправились бы в свои Ласточки, дорогой более длинной, зато удобной – по ней даже машины до самых Ласточек ездили. Но раз уж вышли здесь, надо теперь идти, никуда не денешься.

– Ну что, Маша, будем прокладывать новую тропинку. Иди за мной, – сказала старшая сестра Тоня, отпустила Машину руку, поправила рюкзак и зашагала по пахоте.

Шестилетняя Маша отправилась вслед за ней. Ох и тяжело оказалось идти по земляным пластам! Одно радовало: дождь прошел давно, так что земля была сухая. А так бы на ноги налипло уже столько, что и не поднять!

– Ничего, Машуня, – на ходу утешала сестру Тоня, – скоро поле кончится, выйдем на лужок – и возле леса сядем пообедать!

– Давай, – пыхтя, согласилась Маша, – и грибов в лесу поищем?

– Поищем-поищем! – подтвердила Тоня, не сбавляя шага.

Пашня через некоторое время закончилась – и идти стало так легко, что казалось, будто ноги вообще земли не касаются. Девочки прибавили шагу – тем более, что у леса их ждал отдых.

Уставший за лето луг тихо потрескивал под ногами сухими былинками. Скоро девочки нашли старую нахоженную тропку и по ней дошли до опушки. И пока солнце ещё не спряталось за деревьями, присели на бугорок, разложили еду на салфетке и принялись обедать.

Какой же он вкусный – простой чёрный хлеб, если есть его вот так, сидя у края леса! А ещё если откусывать то от сочного помидора, то от сваренного вкрутую яичка, шлёпать на язык кружочки колбасы и запивать это обыкновенной водой из бутылки! Даже печенье из пачки и обычные карамельки казались девочкам необыкновенными.

– Ну, что, пойдём дальше? – спросила у сестры Тоня. Машу клонило в сон. Она даже про грибы забыла. Но спать было нельзя – ведь прошли они ещё только треть пути. – Давай, Машер, поднимайся. На-ка тебе скорлупу, иди, под ёлочкой разбросай.

– Чтобы лучше росла? Удобрение? – оживилась Маша, хрустнула скорлупками и принялась крошить их под маленькими деревьями. – Ну, расти, ёлка, расти, берёзка...

Тому, кто любит лес, в лесу не страшно. Наоборот – всё понятно, привычно и легко.

Тропинка уверенно вела между деревьями, не разделялась на несколько, так что ошибиться и уйти неизвестно куда было нельзя. По этой тропинке и шли девочки – Маша впереди, а за ней, меньше, чем на расстоянии вытянутой руки, – Тоня. Таким образом младшая сестра была у неё всегда под контролем.

Тоня никогда не боялась леса. Ведь сколько себя помнит, она каждое лето проводила в Ласточках. А деревня была просто окружена лесами. Огромный Алпашевский лес, которым они сейчас шли, тянулся далеко-далеко на запад. Там, за много километров, стояло у другого края этого леса большое село Алпашево, до которого с этого края мало кто доходил, если решал пробираться напрямки, то есть лесом. Да и у людей из Ласточек и Беклемищева редко бывали дела в этом самом Алпашеве – ведь оно находилось уже в другой области. Вот каким большим был лес – высокий, суровый, смешанного типа. А уж сколько всего водилось там! И дичь, и грибы-ягоды разных видов. Райское место для тех, кто поймёт и полюбит его характер. Но неприятное и опасное – для тех, кому всё это неинтересно. И, к сожалению, больше никак по-другому.

Через поле и луга к юго-востоку стоял другой – весёлый березовый лесок под названием Чибуны. Земляника, подберёзовики и подосиновики – вот за что ценили его.

А через речку от Ласточек раскинулся Посконский лес – тоже очень обширный. По его краю росли дубы, а внутри – среди осин, берёз и зарослей орешника, изобилие лекарственных трав. В зависимости от удачного или неудачного лета Посконский лес давал большой урожай орехов, а ещё грибов опять, которые выскакивали на замшелых осиновых пнях, упавших трухлявых берёзовых стволах – иногда столько, что грибному охотнику уже не во что было их собирать. Так что приходилось снимать с себя одежду за одежкой, наполнять опятами и с азартной жадностью продолжать ползать от пенька к пеньку.

Лес переходил в большое болото – и там тоже было раздолье. Болото не пугало, надо было только знать его привычки, и тогда оно станет таким другом, что надёжней не сыщешь: утаит, если надо спрятаться, накормит, раскинув по буграм и кочкам ягодные скатерти-самобранки, напоит, обнаружив среди болотной жижи островок с бьющим чистым родником, и, отпугивая топями и трясинами, выведет в безопасное место.

Обо всём этом думала Тоня, на ходу вглядываясь в лесные заросли и замечая милые сердцу знакомые места: огромный муравейник с засохшей ёлкой посередине, пень, похожий на столик в кафе, бугор, изрытый лисами, причудливо изогнувшуюся над тропинкой березу. Нечасто удавалось попасть в эти края вот так, в начале сентября – и увидеть, как в лесу настукает осень.

Вот среди древесных стволов показался просвет – и вскоре Тоня и Маша вышли из леса на весёлый холмистый луг. Под холмами петляла река, а деревня Ласточки – да вон она! Кажется, близко, – а топтать до неё луговой тропой чуть ли не километр.

Дедушкин дом стоял на отшибе – с самого края деревни, что раскинулась по ровному холму над рекой. Остальные дома держались более кучно, а дедушкин один, точно дозорный.

Девочки ехали сюда не в гости, не на каникулы (да и какие каникулы в первом месяце учебного года?). Они должны были теперь здесь жить. Узнав о том, что у них случилось, дедушка по телефону сказал Тоне и Маше немедленно приезжать к нему. Вот они приехали, уже почти пришли...

И не знали того, что их милый дедушка Семён Прокофьевич умер три дня назад. А сегодня, именно сегодня его отвезли на кладбище в рощу за холмом.

Умер дедушка в дороге. Внучки всё не ехали, и он, взволнованный и испуганный неизвестностью, отправился в Москву. Так быстро шёл он дождливым днём через луг, через лес, так переживал, что не выдержало старое сердце, остановилось. Подобрали Семёна Прокофьевича прохожие люди, принесли домой. Попытались сообщить в Москву единственной дочке и внучкам, что обычно жили у него каждое лето, да телеграмма почему-то вернулась: не получил её никто, хотя отправили эту телеграмму по хорошо известному адресу. Много раз останавливались в квартире у Татьяны и её девочек односельчане Семёна Прокофьевича, когда приезжали в Москву, так что адрес был записан у многих. А вот поди ж ты...

Соседи схоронили одинокого старика на кладбище возле его жены. Так что дома у дедушки застали Тоня и Маша печальных старушек, нескольких мужчин и тётеньку, которая лихо натирала полотенцем свежевывмытую посуду. Казалось, никто даже не обратил на испуганных девочек внимания. Все сидели за столом, что-то ели, даже молча выпивали.

– Антонина! Машенька! – всплеснула руками маленькая старушка, которая случайно повернула голову на стук захлопнувшейся двери и девочек заметила.

Все тоже увидели Тоню и Машу, выскочили из-за стола и, сбиваясь на слёзы и вздохи, рассказали девочкам о том, что случилось.

Так Тоня поняла, что теперь они, считай, одни на белом свете. Нет, конечно, не одни – у них ведь есть мама, родная мама, которой было сейчас очень плохо. И помочь ей девочки могли только одним – тем, что хорошо, спокойно и достойно станут теперь жить здесь, в деревне. Писать маме письма, звонить и рассказывать о своем житье-бытье.

Баба Валя и баба Феня – та, что первая их заметила, сообщили, что из дедушкиного имущества никто ничего не утащил, не прикарманил: потому что и они не позволили, да и сами люди на деревне честные. Хоть и уважала Тоня этих милых бабулек, а не стала вдаваться в подробности и рассказывать, почему именно они переехали жить из Москвы сюда, в Ласточки. Помощи, решила Тоня, она и так попросит у них, если что. А жалеть... Да не надо их с Машей жалеть!

Она уложила уставшую и наплакавшуюся сестричку спать – и Маша уснула, не замечая, как шумно расходились те, кто приходил помянуть дедушку, как гремели посудой оставшиеся помощники. Когда с уборкой было закончено, а бабушки ушли, Тоня уселась за стол в кухне. И тоже заплакала. Как они будут тут одни – без дорогого славного дедушки? Который так любил свой дом, огород, лес и луга, который ждал своих единственных родных людей. И не дождался...

А им с Машей жить надо. Даже задавать себе вопроса – как жить-то? Тоня не могла. Просто права не имела. И жить они будут! В деревне пропасть нельзя. Нужно только тщательно исследовать всё хозяйство, понять, какими возможностями, продовольственными и хозяйственными запасами они обладают – и готовиться к зиме.

Чтобы как-то отвлечься, Антонина хотела было начать исследование, но не успела.

Кто-то поскрёбся в дверь – тихо так поскрёбся, деликатно.

– Кузя! – догадавшись, кто это, воскликнула Тоня и бросилась к двери.

Это был пёс Кузя – хороший, мохнатый, верный. Почему он не встретил девчонок, хотя обычно чувствовал их, едва они на шоссе из автобуса выскакивали, объяснялось сейчас просто: Кузя плакал. Забился куда-то и плакал, малыш, тосковал по дедушке... Тоня схватила со стола тряпку и вытерла собачонку его густые горькие слёзки, которые залили ему всю шерстяную мордочку.

– Не плачь, Кузенька, не плачь! – приговаривала Тоня, обнимая скулящего друга. – Мы с Машей к тебе приехали. Пойдём-ка, покажи, где дедушка.

Умник Кузя понимал, кажется, всё. Выскочив на улицу, он, то и дело оглядываясь на Тоню, побежал вдоль домов за деревню. Там, в рощице на бугре за высоким холмом, было

старое кладбище. Кузя уселся у самой свежей могилы – той, вырытой возле давней могилки, с памятника на которой смотрела молодая красивая бабушка. Пёс не выл – он просто смотрел на подсыхающую землю, перемешанную с песком, вздыхал и иногда оборачивался на Тоню.

Девочка положила на дедушкину могилу маленький букет жёлтых осенних цветов, второй отнесла на могилу бабушки, села на оставленную кем-то табуретку – и сидела долго, до самой темноты. Она думала обо всём, что случилось с их семьёй, о том, что ждёт их, – и мысли были светлые, ясные и простые. Наверно, казалось Тоне, это её далекие родственники здесь, на кладбище, каким-то образом разговаривают с ней, успокаивают, дают поверить в собственные силы. Такими хорошими были её бабушка, которую она почти не помнила, но о которой дедушка Семён мог рассказывать часами, сам дедуля, все те другие, которых Тоня никогда не видела, но которые тоже жили в Ласточках и были похоронены на этом кладбище, что нельзя было поверить в то, что они с Машей – несчастные одинокие дети. С ними был мир, именно тот, о котором можно было сказать «всем миром». И все эти люди смотрели сейчас на неё – и могли читать в Тонином сердце, слышать все помыслы и угадывать движения души. Ничего не скроешь – поэтому надо жить просто и честно, как жили эти деревенские люди, которым хотелось Тоне поклониться и пообещать, что она тоже постарается.

Так что, когда она бежала домой, – туда, где, может быть, вдруг проснулась и беспокоится Маша, в голове у неё было хорошо и ясно.

Глава 2

Хозяйство

Первым делом Тоня посчитала и спрятала деньги, которые они привезли из Москвы. Их было мало – но уж сколько было. Жить предстояло только на них. Нужно будет платить за свет и покупать еду. Но не всю же – ведь что-то можно было употреблять и из домашнего запаса.

Тоня начала инспекцию. В дедушкиных закромах обнаружилось много разной крупы, мешок муки и почти полный куль сахарного песка. Отыскав фонарь, девочка забралась в погреб. Ого, сколько банок с вареньем оказалось там! И клубничное, и черничное, и земляничное. Даже яблочное и грушевое – дедушка сам научился варенье варить, и оно с каждым сезоном получалось у него всё вкуснее и вкуснее. Ну, с вареньем они точно не пропадут!

Рядом с вареньем обнаружился бак солёных огурцов. Его деревянная крышка была придавлена большим камнем. Тоня даже сдвигать его не стала, чтобы заглянуть. Она и так знала: в этом баке всегда солят огурцы. Значит, тоже имеется хороший запас.

Два деревянных бочонка поменьше были с грибами. Грибы стояли и в банках – немного, всего несколько поллитровок. Тоня очень любила солёные грибы, поэтому прихватила одну банку с собой.

Зарытая в песок, хранилась в ящике морковь. А ещё небольшая кучка свёклы и редьки, даже несколько крупных реп – вот сколько всего дедушка запас на зиму.

В деревянном ларе обнаружилась картошка – много. Тоня представила, как старый дедушка копал и собирал её, таскал полные вёдра, наклонялся, высыпал картошку сначала в кучу, а потом перетаскивал в погреб. Снова подступили слёзы. Но Тоня не дала себе заплакать – ведь она должна быть сильной девочкой, не лить слёз по погребам...

Скомандовав себе взять себя в руки, Тоня по лестнице выбралась наверх. Закрывает дверцу в полу, выключила фонарь и убрала его в карман. Погреб был вырыт «на дворе» – то есть в хозяйственной части дома, пристроенной, как почти во всех деревенских домах, за жилой. Прошла за перегородку, посмотрела, как там куры – все ли на месте? Куры спали на жёрдочках, склонив головки и трогательно прижавшись друг к другу.

Тоня заперла так называемую «чёрную» дверь, что вела со «двора» на улицу, вошла в сенцы, оттуда на терраску. Проверила тамошнюю дверь – закрыта. Осторожно открыла её, вышла на улицу.

Было совсем темно. Тут же выбрался из будки Кузя, подбежал к Тоне, фукнул носом ей в коленки.

– Иди спать, Кузенька, – погладила его Тоня. – Иди, малыш. Но карауль, ладно? Как что услышишь – сразу гавкай!

Зачем Кузе гавкать, если возникнет опасность, она не знала. Но так как-то, вроде, спокойнее ей казалось. Ещё раз прислушавшись к тихой ночи, Тоня вернулась в дом.

Свернувшись калачом, спала под тремя одеялами Машенька. Замёрзла. Ведь в доме было холодно – печь-то топили давно. Наскоро умывшись, Тоня погасила свет и тоже бросилась на диван, к сестре под одеяла.

Первый раз в жизни они сегодня спали здесь, в деревне, совсем одни. Больше не возился и не сопел на печке дедушка, который забирался туда спать и зимой, и летом. И мамы не было на высокой кровати за занавесочкой. Если вдруг что-то случится – не поможет ведь никто. Пока это на деревне услышат, да сообразят, что к чему, да прибегут. И кто прибежит-то – бабки старые?

Страшно? Страшно.

Одиноко? Одиноко...

«Не нагнетать, только не нагнетать упаднических мыслей!» – такую команду дала себе девочка. И старательно принялась думать о чём-нибудь отвлечённом.

Про отвлечённое не думалось – зато Тоня вспомнила про дедушкино охотничье ружьё, что стояло в шкафу. Управляться с ним девочка умела – и даже набивать патроны: насыпать пороха, дробы, заталкивать пыжи она научилась, когда помогала бабушке. Когда-то он ходил на охоту, но последние годы перестал. Ружьё просто так в шкафу за одеждой и стояло. Дед Семён только проверял, чистил его – и ставил на место. Вот бы сейчас посмотреть – как, что там с этим ружьём? В каком оно состоянии, способно ли выстрелить, если в этом, не дай Бог, возникнет необходимость? Но для этого же надо выбираться из-под одеяла, шлёпать по ледяному полу, лезть в шкаф... Сил у Тони на это не было. Завтра! Она проверит ружьё завтра! Ничего не случится плохого этой ночью, никакой злодей не подберётся к одинокому домику на холме. Почему-то Тоня, засыпая, была в этом уверена.

Так оно и случилось. Ночь прошла спокойно.

Проснулись девочки рано. Осенняя ночь выстудила дом, так что даже под одеялом стало холодно.

– Не будем на диване спать. Тут, под окнами, не очень-то тепло, – решила Тоня. – Здесь только летом хорошо. Переберёмся на мамину кровать, ближе к печке.

– Ага. – согласилась Маша и снова зарылась в одеяла.

А Тоне нельзя было больше спать. Ведь кто, если не она, займётся хозяйством? Нужно было срочно бежать за дровами и растапливать печку. Тоня оделась, вышла на двор.

Куры! Их же надо накормить и выпустить! Конечно, нужно это было сделать пораньше – они же ни свет, ни заря просыпаются!

А куры нетерпеливо пыхтели и громко топтались у самой двери, точно стадо маленьких слонов. Правда-правда – настолько сильно им не терпелось попасть на улицу. Тоня бросилась к бочке с зерном, зачерпнула ковшик, насыпала пшеницы курам в их узкое деревянное корытце для корма. Те принялись клевать, вмиг смели свой завтрак – и ринулись в распахнутую Тоней дверь. Засуетились там, на улице, завохтали, бросились по своим важным делам.

А Тоня отправилась в дровяной сарай, что был пристроен к бане, набрала поленьев, сколько смогла унести, оттащила их в дом. Вернулась и закрыла дверь, в которой для кур, если они захотят зайти на двор, чтобы снести в гнезде яичко или просто отдохнуть, в самом низу была вырезана специальная лазейка.

Сама Тоня печь никогда раньше не топила, только смотрела, как это делают взрослые. Одно она знала хорошо – главное, не закрыть раньше времени дымовую заслонку, чтобы не пошёл угарный газ, который от не до конца прогоревших угольков будет вынужден улетучиться не в трубу, а через дверцу топки в дом. Но до момента закрывания заслонки было ещё далеко, а пока девочка эту заслонку, наоборот, для создания тяги, открыла, еле до неё дотянувшись – ведь заслонка была расположена довольно высоко – на трубе. Уложила сухие дровишки в печку, впихнула между ними газету и зажгла её. Газета принялась гореть, но дрова всё сопротивлялись. Так что пришлось скомкать ещё одну газету, разорвать картонную коробку и тоже засунуть её в печку. Но поленья всё равно не слушались – пока Тоня не догадалась сбегать к канистре с керосином и не облить их. Запылала дрова, а через некоторое время пламя загудело – значит, скоро и печка начнёт нагреваться.

Захлопнув дверцу, Тоня бросилась к электрической плитке, включила её в розетку. Отыскала самую большую кастрюлю, насыпала в неё гречневой крупы, которую страсть как не хотелось мыть – полоскать руки в ледяной воде. Но помыть все же пришлось – не есть же грязную кашу? Тут же Тоня заметила, что вода в алюминиевой фляге, что стояла в сенцах, закончилась. Значит, и на колодец придётся идти. Но это после – а в ручейнике воды, чтобы Машуньке умыться, вполне хватит.

Тоня спустилась в погреб за огурцами и вареньем, нашла в холодильнике большой кусок сала, отрезала от него тонкий лепесток, порубила узкими полосками и вместе с остатками колбасы разложила на тарелке. Заварила чай, вытащила хлеб, помешала кашу, заглянула в печку. Ну что ж – не так всё и плохо. Жизнь, можно сказать, налаживалась.

Тоня посмотрела на мобильный телефон, что лежал на буфете. Нет, никто не звонил, сообщений не прислал. Но ничего, потому что надо думать только о хорошем. Девочка уселась на стул, прислушалась. Ей показалось, что сейчас откроется дверь – и войдёт дедушка. «А ну-ка завтракать, девчонки!» – весело крикнет он. Дедушка всегда говорил громко, даже кричал – потому что слышал плохо. И от этого казалось, что у него всегда хорошее бодрое настроение...

Но нет – не войдёт больше дедушка в кухню. «Пусть земля тебе будет пухом, дедушка ты наш хороший!» – мысленно пожелала Тоня, так же про себя пожелала доброго утра маме в Москву, и отправилась будить сестрёнку.

– Машер, поднимайся, уже девять утра! – затормошила она малышку. – Одевайся, будем кашу есть!

Уставшая за вчерашний день Маша и так спала уже больше двенадцати часов, могла бы, конечно, ещё – но Тоня стянула с неё одеяла, и она сразу замёрзла.

– Холодно! – пискнула Маша.

– Печка топится, скоро тепло будет! Скорее, умываться и за стол! – и Тоня под села к сестре с ворохом одежды. – Давай-ка одеваться. Так, колготки, штаны, майку... Не вертись. Чуешь, кашей уже пахнет?

– Да... А Кузе тоже каши дадим?

– Кузе? Обязательно. Одевайся дальше сама, а я на кухню.

После завтрака Тоня взяла два ведра, кликнула Кузю, который наелся гречневой каши и с довольным видом грелся на ступеньках крыльца, и отправилась под горку к колодцу. Маша, размахивая бидоном, мчалась позади. Кузя нагнал их, радостно обгавкал, обогнал – и поджидал уже девочек внизу.

Да, тащить два полных ведра в гору – это было совсем не то, что включить воду в городской квартире! Тоня и так налила ведра не до краёв, а пришлось три раза остановиться, чтобы отдохнуть. И Маша с бидоном устала.

Но всё когда-нибудь кончается. И вот вода перелита из ведер и бидончика во флягу.

– Маш, пойдём владения осматривать! – предложила Тоня.

И девочки вышли в сад. Яблоки – антоновки и анисовки, ещё висели на ветках. Их выросло в этом году совсем мало, но сорвать их нужно было обязательно.

– Сейчас и займёмся, – кивнула Тоня. – Но пока пойдём дальше.

На ветках всё ещё висела черноплодная рябина. Тоня знала, что дедушка всегда её сушил, и потом она появлялась в составе компотов из сухофруктов. «И мы засушим, что ж доброто будет пропадать!» – решила она. Та же мысль пришла к ней и по поводу калины, которая своими яркими ягодами семафорила им из обсадки. Желание всё пустить в дело не оставляло её.

В конце картофельного поля жизнерадостно желтели цветы высоченных топинамбуров.

– Выкопать бы надо, – окончательно сжилась с ролью хозяйки Тоня. – Они вкусные. Напомни мне, Маш.

– Ага! – охотно согласилась Маша.

– Ну, а тепер в огород!

Кузя, переполюшив кур, первым помчался к огороду.

Там было чисто. Всю сухую ботву дедушка отнёс в кучу, где она гнила, превращаясь в удобрение. Некоторые грядки даже перекопал под зиму. А вот капуста ещё стояла – с дальнего конца огорода отсвечивали из лопухов большие бело-зелёные кочаны.

– А капусту дедушка в погребе подвешивал! – вспомнила Маша. – Прямо в сетках! Помнишь, они иногда до лета так висели – и ничего им не было!

Тоня помнила. И решила повторить эту операцию.

– Вот тогда мы сначала с тобой капустой и займёмся! – скомандовала она. – Ну, Маш, выдёргивай её из земли, а я пойду сетки искать.

Маша подскочила к самому большому кочану и принялась тянуть его, как дедка репку. И, конечно же, кочан ей не поддавался. Кузя не хотел быть Жучкой-внучкой – и не помогал ей. Так что сопела и пыхла Маша, пока сестра не появилась.

А не приходила Тоня долго – потому что вспомнила про печку. Которая успела прогореть. Давно погасли в ней все угольки, жар вслед за дымом покидал её. Так что получилось так, что закрыла девочка заслонку уже поздно. Правда, большая русская печь уже нагрела дом, но...

«Ничего, в следующий раз лучше получится». – успокоила себя Тоня, которая любила во всём добиваться выдающихся результатов.

Взмахнула сетками, в которых собиралась подвешивать кочаны капусты, – и выбежала на улицу. После операции «капуста» нужно было заниматься обедом. Да, ещё посуда с завтрака невытая осталась. Курам надо корма задать. И ружьё Тоня вчера собиралась проверить. А рябина? А яблоки? В общем, де-е-ел... Да просто полно было всяких дел теперь.

Так началась самостоятельная жизнь Тони и Маши Федотовых.

Глава 3

Новая ученица

А через неделю Тоня смогла, наконец-то, разобраться с делами и с утра пораньше отправилась в Беклемищево. Школу-то надо было посещать – и так две недели занятий пропустила. В Москве Тоня училась хорошо, в некоторых четвертях даже отличницей выходила. Так что теперь она не сомневалась, что нагонит упущенное.

– Маш, сиди дома, смотри телевизор, – отдавала она распоряжения сестрице, которая после завтрака снова юркнула под одеяло. – Наружную дверь я на замок закрою, захочешь на улицу, иди через двор. Ешь яблоки. Приду – будем обедать.

– Ага... – сонно согласилась Маша.

Привязав Кузю возле будки, Тоня отправилась в школу.

Утро было неспешное, ленивое, по низинам стоял туман. Солнце уже показалось из-за дальнего леса, но как-то не торопилось разгрести вокруг себя пушистые облака и показаться во всей красе.

Поэтому в Алпашевском лесу, через который вела дорога в Беклемищево, было сумрачно. Тоня шла быстро, торопилась, потому что не знала, во сколько начинаются уроки в Беклемищевской школе – вдруг в восемь утра?

Раз-два, раз-два – подгоняла себя девочка.

Тихо было в лесу, влажно. Где-то далеко перестукивались дятлы, то там, то здесь под деревьями шуршал кто-то в листьях – мелочь лесная на зимовку спать укладывалась. На тонких ветках нарядного бересклета дрожали крупные капли росы. Иногда срывались – и веточки чуть приподнимались, избавившись от дополнительной тяжести. Им и так хватало своих плодов – точно вылепленных из яркой красно-чёрно-бело-розовой пластики и повешенных на куст каким-то шутником. Тоня не удержалась, сорвала веточку с несколькими бересклетовыми серёжками и заткнула себе за ухо. Теперь они колыхались в такт шагам, крепкие, прохладные.

Лес кончился, дорога пошла лугом вдоль реки. Обмелевшая за лето речка Дебрянь, на которую всё ещё падала тень высокого леса, холодно блестела неспешной водой. По другой стороне дороги было поле, на которое уже вышел синий бодрый трактор. Девочка помахала трудолюбивому трактористу, тот высунул из кабины руку с кепкой – и тоже помахал в ответ.

Показалось Беклемищево – компактное село на невысоком холме. Самой его выдающейся точкой была колокольня старой церквушки, не так давно отремонтированной и покрашенной. Рядом с церковью и находилась школа.

– Вот все мои документы из прежней школы, – Тоня выложила перед директором папку со своими бумагами. – Вот свидетельство о рождении и медицинская карта, где указаны все прививки. Возьмите меня, пожалуйста, в свою школу. Я перешла в восьмой класс.

– Интересно... – проговорила директор школы, а по совместительству учительница истории и географии. – Очень интересно. Из Москвы?

– Из Москвы, – кивнула Тоня. – Да вы не волнуйтесь! Я хорошо учусь.

– А родители? – директор была несколько растеряна: в первый раз ученик сам пришёл определять себя в школу. Не подозрительно ли это? Может, девочка от родителей сбежала, бросила прежнюю школу, обманула всех?.. Но вроде на вид девчонка нормальная, даже очень положительная. И документы все в полном порядке – вон какие оценки хорошие.

– Родители нормально, не волнуйтесь! – уверила её Тоня. – Мы живём в Ласточках. Моя мама когда-то тоже ходила в эту школу.

Тоня не стала уточнять, с кем именно она в Ласточках живёт. Но ведь «мы» по отношению к ней с Машей – чистая правда...

Только что закончился первый урок – Тоня всё-таки опоздала к началу занятий. Директор сидела в своём маленьком кабинете, куда забежала после урока – и наткнулась на поджидающую её под дверью девочку.

– Ну хорошо, – после долгой паузы произнесла она. – Я принимаю твои документы. Учись у нас. Пойдём, провожу тебя в класс.

– Спасибо. – улыбнулась Тоня.

И, уже на подходе к двери Тониного нового класса, директор не удержалась.

– Но, а всё-таки, Антонина: что ж тебе в Москве-то не училось? – пытливо спросила она.

Тоня вздохнула, пожала плечами и улыбнулась:

– Ну так вот сложились обстоятельства.

– Так ты к нам навсегда?

– Этого никто не знает, – честно ответила Тоня.

– Вот как... Ладно, входи в класс, Антонина загадочная, – улыбнулась и директор.

Появление Тони вызвало оживление. Во-первых, удивительно, что пришла новенькая – явление редкое для их школы. А, во-вторых, девчонка аж из Москвы! Может, врёт? Потому что ничем таким особенным, указывающим на истинную «столичность», эта новенькая Тоня, одетая в простые джинсики и свитерок, не отличалась. Даже наоборот – все девчонки вокруг были Светы, Тани, Наташи, в крайнем случае Кати и Лизы. А тут Тоня, Антонина. Имя-то какое-то старообразное...

Директор, попросив любить и жаловать новую ученицу, ушла. Её ждали свои ученики.

А Тоня уселась за свободную парту, оглядела новых одноклассников, которых она вместе с собой насчитала пятнадцать человек, – и удивилась. Они были очень уж разновозрастные. И так, группками, состоящими из ребят примерно одного возраста, и сидели в классе.

Молодая учительница всё объяснила.

– Тебе сколько лет, Антонина? – спросила она. – Ты в каком классе учишься?

– Седьмой закончила, – ответила Тоня.

– Значит, в восьмом, – проговорила учительница и указала Тоне на группу, состоящую из двух крупных девчонок и трёх парней тоже примерно её возраста. – Садись тогда к ним.

Тоня послушно пересела на предпоследнюю парту среднего ряда.

– Наша школа маленькая, – продолжала объяснять учительница, видя, что недоумение не покидает новенькую, – поэтому в одном кабинете учатся несколько классов одновременно. Вот, это седьмой класс, – с этими словами она указала на трёх девчонок, что сбились в кучку у самой двери. И повернулась в другую сторону. – А это наш самый многочисленный, шестой.

Пятеро боевых гавриков и одна девочка резво заулюлюкали с парт, что стояли у окна. Тоня помахала им, как футболистам любимой команды.

– Вот так мы вместе и учимся, – развела руками учительница. – А сейчас у нас математика. У каждого класса своя. Не волнуйся, ты быстро привыкнешь. Возьми пока мой учебник, а на перемене тебе выдадут.

С этими словами учительница отдала Тоне свой учебник, уселась за стол – и раскрыла сразу три журнала! Вот цирк...

Так и начала Тоня учиться. К тому, что учительница то объясняет им, восьмиклассникам, новый материал, то какую-то легкотню младшим, она действительно быстро привыкла. Даже забавно как-то было – она по ходу успевала вспомнить давно пройденное и порадоваться, что без труда может это всё решить.

А на перемене её тут же, конечно же, обступили ребята.

– Ты из Москвы? Правда, что ли? – удивлялись они.

– А зачем?

– Да ну, врѐшь!

Однако Света – нынешняя одноклассница Тони, подтвердила её слова. Ведь они были знакомы: Света жила в Беклемищеве, ещё в детстве они с Тоней как-то, дожидаясь родителей, играли вместе у магазина, ну и всегда здоровались с тех пор. А прошлым летом, когда Тоня пришла в село из своей деревни на дискотеку, Света её взяла домой к себе ночевать – чтобы ей не пришлось ночью в Ласточки пять километров нестись.

Также Тоня помнила и парочку девчонок, парнишку-шестиклассника по кличке Кепка, восьмиклассника Борю. Все они были Беклемищевские. Поэтому сейчас она познакомилась с теми, кто приезжал в школу из других мест. И отправилась в библиотеку за учебниками.

Скоро вся школа, состоящая, помимо среднего, из таких же сборных младших и старших классов, пришла посмотреть на Тоню. Во всей школе, как приблизительно посчитала Тоня, оказалось около пятидесяти учеников, которые, в принципе, ей понравились. Ребята как ребята.

После уроков многие выкатили из школьного сарая велосипеды и умчались, за кем-то приехали на машине, весёлая орава погрузилась в жёлтый автобус с надписью «Школьный», и он покатил в сторону трассы. Беклемищевские жители пешочком утопали. Тоня пожалела, что у неё велосипеда нет, и тоже в свою деревню направилась. Но по дороге ей нужно было зайти в магазин и купить хлеба.

Быстро отоварившись, девочка открыла дверь магазина и вышла на улицу. Т-р-р-р-р! Гах! – на всех парах к ступенькам подлетел ярко-красный мотороллер «Муравей», ещё раз взревел мотором, остановился как вкопанный – и затих. Тут же с седла соскочил смуглый черноволосый мальчишка. Едва увидев его, Тоня подумала: «Лихой!» и улыбнулась этой мысли.

Но тут же рассердилась – мальчишка, оказавшийся почти на голову ниже её, загородил дорогу. Тоня шаг в сторону – и он в сторону. Тоня в другую – и мальчишка в другую.

– Привет! – не выдержав «молчанки», широко улыбнулся он. И остановился.

– Привет, – недоверчиво проговорила Тоня. – Что пройти-то не даёшь?

– Так... – ответил мальчишка. И нетерпеливо бросился спрашивать. – Ты откуда? Ты что тут делаешь? Тебя как зовут?

Стараясь сдержать улыбку, Тоня хмыкнула:

– Может, лучше в другой последовательности: сначала как зовут? И так далее?

– Ну как же зовут-то тебя? – напористости водителю «Муравья» было не занимать. – Я – Вася. Василий Константинов.

– Антонина, – с достоинством ответила Тоня. Но почему-то неожиданно для себя поинтересовалась, – А что ж ты в школу не ходишь, Василий Константинов?

– А что? – фыркнул Василий. Но тут же уверенно заявил. – Хожу. Это ты не ходишь.

– Я-то как раз посещаю школу. Вот эту! – и Тоня указала на стоящее неподалеку одноэтажное кирпичное здание. – А тебя почему-то там не видела.

Василий Константинов прямо-таки просиял.

– Ты – в нашей школе учишься?

– Ну, да, – пожала плечами Тоня. – По-моему, здесь только одна школа.

– Всё, тогда я тоже завтра приду! – радостно пообещал Василий.

Тоня ничего на это не ответила, перехватила рюкзак поудобнее и сделала полшага вперёд.

– Пройду-то дай, – сказала она. – Мне домой надо.

– А где ты живёшь? – Василий тоже сделал полшага вперёд и стоял теперь вплотную к Тоне.

Она отошла на два шага, оглянулась в поисках какого-нибудь обходного пути и всё-таки ответила:

– В Ласточках.

– Отлично! – аж подпрыгнул Вася, подлетел к Тоне, схватил её за руку и потянул к мотороллеру. – Садись, я тебя домчу до Ласточек! Мне как раз по пути!

Тоня попыталась стряхнуть его руку, но Вася держал её крепко. И уже как-то незаметно подтолкнул к седлу. Так что девочке ничего не оставалось, кроме как забраться на него. Вася снял с её плеча рюкзак и уложил его в кузов своего «Муравья».

Тоня посмотрела на дверь магазина, подумала и с сомнением поинтересовалась:

– А тебе разве не в магазин по пути?

Вася, шустро влетев в седло, беспечно ответил:

– Не-а! Мне в магазин больше не надо. Хотел там водки купить, напиться с тоски. А теперь – всё...

– Что-о? – Тоне показалось, что она ослышалась – или что это произнёс кто-то другой, неожиданно оказавшийся рядом с ней. Но никого поблизости не было, и она обалдело переспросила. – Как – водки?!

– Да всё уже! Говорю – передумал! – уверил Вася, обернулся и хитрым глазом посмотрел на Тонию. – Тебя увидел, обрадовался. Тоска и прошла.

– Какая тоска?! Вы что тут, в деревне, и правда все алкоголики?! – закричала Тоня на всю округу.

– Не-а... – помотал головой Вася. – Только дядя Саша с дядей Колей, дед Кузьмич и тётка Марина.

– А ты?

– А я только по праздникам, – охотно ответил Вася. – Ну и сейчас дома выпил малость – поллитру для храбрости. Ну, поехали!

Взревел мотор. Но обалдевшая Тоня резвым зайцем слетела с седла.

– Да куда я с тобой не поеду! Алкоголик малолетний! – чуть не плача, закричала она. Мотор заглох. Васю смело с мотороллера. Он схватил Тонию за руки и тревожно заговорил:

– Да не пил я ничего, ты что??? И вообще не пью, конечно. Что я, больной, что ли?

– А чего ж ты? – недоверчиво воскликнула Тоня.

– Это я так шучу!!!

– Ну и шутки... – буркнула Тоня. Но тут же потребовала. – Докажи!

– Да это я тебя развеселить хотел, – начал оправдываться Василий Константинов. – А ты ты такая серьёзная была, ух... Ну прости, ладно? Ну всё, поехали, да?

Но Тоня продолжала смотреть недоверчиво. Вася снова незаметно подтолкнул её к мотороллеру, забрался в седло и решительно предложил:

– Или погнали на трассу! Точно, погнали! Там найдём пост полиции. Я им сдамся, а ты потребуй, чтобы они мне тест на алкоголь устроили! Всё, давай, садись скорее, поехали на трассу!

– Ну-ка, не мельтеши! – не зная, то ли смеяться, то ли сердиться, крикнула Тоня.

Вася замолчал. В этот момент из магазина как раз вышли две старушки, недовольно посмотрели на мотороллер, пришвартованный к самым ступенькам. Так что пришлось Тоне поскорее сесть к Васе.

Машина-зверь отчалила от магазина.

– В Ласточки? – крикнул Вася.

– Да! – ответила Тоня.

И поехали они в Ласточки.

– Это вы тут одни живете? – оглядев деревенский дом и всё хозяйство, удивился Вася. – Без родителей? И со всем управляетесь? Ну, молодцы!

Он покосился на завешенное чёрной материей зеркало, Тоня просто сказала: «Дедушка...» – и Васька всё понял, качнул головой и вопросов больше не задавал.

Маша наскучалась за полдня. Если в Москве её невозможно было оторвать от телевизора, то здесь, в деревне, ей совершенно не хотелось его смотреть. Так и просидела Маша, глядя в окно на дальние луга – когда ж сестра появится? А когда Тоня, наконец, вернулась, и не одна, а с гостем, Маша тут же стала ходить за этим гостем хвостом, всё ему рассказывать, демонстрировать достопримечательности.

А Тоня собирала на стол обед.

От которого Вася, конечно же, не отказался. И с удовольствием нахваливал борщ, жареную картошку, солёные грибы и огурцы – одним словом, вёл себя, как гость очень положительный.

Маша так смеялась его шуткам, что фыркнула в тарелку с борщом – и он разлетелся в разные стороны. Тоне очень хотелось стукнуть сестру за это ложкой по лбу. Она уже даже нацелилась, но в этот момент Вася снова выдал что-то смешное – и она сама, хихикнув, подавила хлебом.

– По спине давай постучу! – бросился к ней гость.

– Не трогай, не трогай меня! Я сама! – кашляя, Тоня отскочила от него за километр.

– Чего твоя сестра меня боится-то? – грустно-удивлённо поинтересовался он у Маши.

И в доказательство того, что он хороший, сразу после обеда гость Василий Константинов натаскал из-под горки воды – налил полную флягу, наполнил все ведра и баки. Он оказался неожиданно сильным – с полными ведрами, а не такими, как Тоня себе наливала, шустро взбежал от колодца в гору. Ни разу не останавливаясь отдохнуть, да ещё с постоянными шутками, которыми довёл Машу до состояния обожания.

Хотел ещё загородку починить – но уже начинало темнеть, и Тоня предложила ему всё-таки сматывать удочки. Наверняка пропавшего водителя «Муравья» дома ждали.

И Вася – с шумом, смехом, звоном и грохотом уехал. Девочки стояли на бугорке и махали ему вслед. А он то и дело сигналил, пока дорога не скрылась в лесу.

... – Тоня, – жалобно сказала Маша, укладываясь спать, – мне так страшно тут одной было. Знаешь, одиноко... Можно, я завтра с тобой в школу пойду?

– Как – со мной? – удивилась Тоня. Перед этим она ещё думала, что наверняка малышке было одной в пустом доме не по себе – и никакой телевизор её наверняка не развлёк. А тут Маша сама об этом же говорит.

– Я тихонько посижу с тобой! Не оставляй меня, ладно? – и Маша бросилась сестре на шею, обняла и зашептала. – Я даже под парту заберусь и буду в пупсика с мишкой играть! Меня никто не заметит, вот увидишь!

«А почему бы не взять? – подумала Тоня. – Я бы в её возрасте вообще одна не смогла оставаться. Идти далеко, конечно, устанет.»

– Ладно, пойдём со мной завтра! – сказала она.

Маша радостно подпрыгнула.

– Ура! А Вася к нам ещё придет?

Тоня даже покраснела – хорошо, в комнате темно было.

– А зачем он тебе?

– Он хороший. – заявила Маша. – Он мне сказал, что будет мой жених.

– Что-о? – Тоня похолодела. – Это как он сказал?

– А я у него спросила: «Будешь мой жених?» – принялась объяснять Маша.

– А он?

– А он спросил: «В какой игре?»... А я не поняла, про какую он игру. Я хотела по правде.

– В смысле? – Тоня думала, что разговор с шестилетней сестрой ей просто чудится. – Что ты хотела по правде?

– Ну, чтобы когда-нибудь... Жених в будущем! – с энтузиазмом залепетала Маша. – Сейчас договориться. У нас в саду так некоторые договаривались...

– Кошмар! А Вася?.. – с ужасом ожидая Машин ответ, спросила Тоня.

– А он говорит: «Ну, неси тогда кукол, я выберу из них, каким женихом буду».

– А ты?

– А я принесла. Он выбрал медведя. Теперь Вася за него будет играть, – с этими словами Маша показала игрушечного медведя, одетого в снятую с куклы кофтейку.

– Бред какой-то... – с облегчением вздохнула Тоня. Сейчас она сердилась на себя за то, что из-за какой-то ерунды начала волноваться. Васька этот на голову свалился, куклы, медведи, жених...

– Всё, Машуня, спим! – скомандовала она и посадила жениха-медведя на стул, где замерли, вытянув вперёд длинные ноги и руки, две почти одинаковые куклы-красотки. – А то завтра не проснёшься, и я тебя в школу не возьму.

– Я сплю, сплю! – отозвалась от стенки Маша. – И пусть мне Вася приснится!

Глава 4

Грибы

В два раза больше времени пришлось потратить сегодня на дорогу в школу. Маша хоть и старалась, но шла всё равно медленно – так что это было Тоне не вчера, когда она пролетела пять километров резвой птицей.

Девочки опоздали. И Тоня появилась в школе с уже намечающейся собственной традицией – ко второму уроку. Была история, вела которую как раз Ираида Андреевна, директор школы. И пока учительницы ещё не было, Тоня разместилась с сестрой за своей предпоследней партой, вытащила учебник.

Распахнулась дверь – и в класс вошёл... Вася Константинов! Он только залихватски всем улыбнулся, а ученики тут же повскакивали со своих парт и бросились к нему.

– Цыган! Привет!

– Здорово! – ребята радостно хлопали Васю по плечам.

– Учиться пришёл?

– Вась, ты чего это в школу-то?

– Что случилось? В лесу сдох медведь?

– А чё, думаю, поучусь маленько, – улыбнулся Василий, пробираясь между партами. – Никогда не поздно – третий раз в первый класс.

– Привет. – улыбнулась Тоня, когда он очутился у её парты.

– Привет, – Вася растерялся, увидев, что место рядом с ней занято: там расположилась Маша с мишкой и пупсом. А ведь Василий явно нацеливался сесть с Тоней, но...

– Ничего, я сзади вас приземлюсь, – с этими словами он плюхнулся за последнюю парту. – Хороший отсюда вид. Вы со спины тоже друг на друга похожи.

Тоня только хотела возмутиться, но в этот момент в класс вошла Ираида Андреевна.

– О, сколько новеньких! – поздоровавшись, заметила она. – Господин Константинов! Какая неожиданная встреча. Сколько лет, сколько зим!

– Здравствуйте! – Вася снова вскочил со стула и поздоровался.

– А это что за новая ученица? – Ираида Андреевна подошла к Маше.

– Это моя сестра Мария Федотова. А можно она со мной посидит? – попросила Тоня. – Ей одной...

И Тоня осеклась. Она испугалась, что если вдруг она скажет, что Маша боится сидеть дома одна, сразу начнётся разбирательство: почему одна? А где же мама? Дети нуждаются в опеке?

– Значит так, ребятки, – Ираида Андреевна вернулась к доске. – Ученица Мария Федотова пусть отправляется в младшие классы, а бывший ученик Василий Константинов – вон.

– Я не хочу вон, Ираида Андреевна! – горячо воскликнул Вася.

– А я не хочу видеть у себя в школе такую перелетную птицу, – твёрдо сказала директор. – Ты, Василий, с прошлой зимы в школе не появлялся. Очевидно, всему научился. Так что твой нынешний визит мне непонятен.

– Да пусть учится, Ираида Андреевна!

– Оставьте Константинова с нами! – стали просить ребята.

– Нет, – твёрдо заявила директор.

– Я теперь буду ходить всегда, обещаю! – молитвенно сложив руки на груди, произнёс Вася.

Тоня подумала, что она бы такому горячему заверению немедленно поверила – очень уж натурально он клялся. «Так Васька, оказывается, цыган! – дошло тут до неё наконец. – «Цыган,

привет!»... Вот оно что! Ишь, как жарко клянётся. А вот Ираида ему и не верит. И правильно делает. Потому что знает: цыгане – известные обманщики. Это их профессия...»

Тоне стало сразу очень грустно. А отчего – непонятно. Вроде, никаких надежд у неё на перелётного гостя Васю не было, ничего он ей не обещал, ни в чём не клялся. А всё равно жалко, что такой милый человек – и такой ненадёжный...

Тоня вздохнула.

И Вася это заметил. Он, уже поднявшийся со стула, чтобы идти вон, с благодарностью посмотрел на неё, улыбнулся – типа: «Держись, не скучай по мне! Прорвёмся, я вас не брошу!» И пошёл на выход. Сгорбившийся такой, бедненький.

Даже строгой Ираиде Андреевне стало его жалко.

– Сделай-ка заодно доброе дело, Константинов, – Машу в младшие классы отведи. – сказала она.

– Но ей же ещё рано учиться! – тут же вскинул голову Вася. – Она же маленькая ещё. Давайте, я с ней просто погуляю. У нас будет урок природоведения с элементами музыки и русского языка.

– Какой русский язык, Константинов? – удивилась Ираида Андреевна. – Когда ты только матом разговариваешь!

Тоня покраснела. Надо же – а она и не знала этого. Вроде, вчера этот хитрован Константинов Василий нормально разговаривал. Совсем не матом...

– Я? Матом? – оскорбился Вася и с таким неподдельным изумлением посмотрел на директора, что она окончательно сдалась и с теплом в голосе проговорила:

– Всё, Василий. Сил моих больше нет. Уходи из класса. И чтобы завтра с утра в школу с матерью. С учебниками. С хорошим поведением.

– Ура! – завопил Вася и высоко подпрыгнул. Портрет Льва Толстого, висевший на стене, совершенно не ожидал этого и как-то недовольно напрягся. – Пошли гулять, Машка! Ух, сейчас мы с тобой по деревне шороху-то наведём! Тоня, я забираю её, да?

– Да... – еле-еле кивнула Тоня.

Маша бросилась вслед за Васей. Дверь громко захлопнулась.

– О ужас! – Ираида Андреевна в изнеможении упала на стул. – Как же без него спокойно было!

После уроков Тоня вышла из школы и увидела, что красный «Муравей» стоит неподалёку. И Вася с Машей, конечно, там же: Маша сидит впереди Васи и держится за руль.

– Привет отличникам! – радостно воскликнул Василий, увидев Тоню. – Забирайся скорее в кузов! Мы тебе там лежбище устроили.

– Какое ещё лежбище? – удивилась Тоня, подходя ближе.

– Лежбище котиков! – пояснила Маша.

– Каких ещё... Ничего не понимаю! – Тоня заглянула в кузов.

– Тебе тут будет мягко, не тряско. – заверил её Вася. – Потому что мы едем за грибами.

– Куда?!

– В Алпашевский лес, куда, – объяснил он и протянул Тоне пакет с початками варёной кукурузы. – На-ка, подкрепишься по дороге. Я место знаю, где маслята пошли. Говорят, последние в этом году. Надо ехать.

– Надо ехать! – подхватила Маша.

– Я вас приглашаю. – сказал Вася уже тише. – Не отказывайся, Тонь.

Да что ж было отказываться? Тоня очень любила собирать грибы.

– Ну хорошо, поехали, – сказала она и забралась в кузов. Там лежала телогрейка, какие-то мешки – и из всего этого было свёрнуто эдакое гнездо. А рядом стояла канистра и пустые ведра. «Вёдра – под грибы, – догадалась Тоня. – Ну надо же. Конкретно они подготовились».

– Маша, иди сюда. Со мной поедешь! – скомандовала Тоня из кузова.

Но Маша не хотела уходить с водительского сиденья.

– Нет, мне тут хорошо! – засопровтивлялась она. – Я рулю!

Тоня только хотела сказать: «Предатель ты, Машка!» Но не стала. Вздохнула только.

Но Васька тут же повернулся к ней и уверил:

– Не бойся! Машка в надежных руках. Я осторожный, ездю с малолетства. Цыган ребёнка не обидит. Если только этот ребёнок не будет хвостами своими вертеть!

Пушистые хвостики Маши действительно так и липли к Васиному лицу.

– Так, Маша, где твоя шапка? – тут же грозно сказала Тоня и вновь строго скомандовала. – Быстро надень. Продует – заболеешь!

Маша поняла, что выгоднее послушаться, достала шапку из кармана, натянула на голову. Вася обернулся к Тоне и с благодарной улыбкой произнёс:

– А за эту команду отдельное спасибо, Тонь. А то твоя сестра как взмахнёт хвостами, так я чихаю. Они мне нос щекотят...

Тоня засмеялась, подхалимским голосом захохотала и Маша.

Затарактел мотор, звякнули вёдра – и «Муравей», подпрыгивая, помчался по дороге.

Переехав через речку возле села Беклемищева, ребята въехали в Алпашевский лес с противоположной стороны. Из Ласточек Тоня с мамой и бабушкой обычно в лес с севера заходили.

Редкоезжая дорога шла по песочку, вдоль неё стояли высокие сосны, под которыми, среди клочков высокого мха, Тоня то тут, то там замечала грибы.

– Остановимся, Вась! – несколько раз просила она.

Но деловой водитель лишь мотал головой и упрямо продолжал движение вперёд.

И вот мотороллер выскочил в перелесок. Высокие старые сосны кончились – и ребята увидели, что перелесок этот раскинулся далеко и широко. Молоденькие сосенки – в рост-полтора человека, сплошной ковёр мягкого зеленого мха и... словно специально расставленные тут и там аккуратненькие грибочки!

– Маслята! – ахнула Тоня и, держась за спину Васи, во весь рост встала в кузове. С высоты грибы ещё лучше были видны. И надо же – столько, как будто это были декорации для рекламного ролика «Радость грибника»!

Вася тут же осторожно остановил свою машину.

– Тонь, ты что – а если бы упала? – ворчливо начал он.

Но Тоня отмахнулась.

– Ничего. Васька, ты умник! Просто чудо какое-то! Ну, давайте рвите их быстрее!

Подхватив вёдра, ребята принялись бродить между сосенками.

– Тонь, а это действительно маслята? – недоверчиво ковыряя маленький, покрытый тягучей слизью грибок с круглой шляпкой, спросил Вася.

– Конечно, маслята! – улыбнулась Тоня. – А что тебя смущает?

– Да больно уж их много. – неуверенно протянул он. – А много обычно только поганок бывает.

– Маслята – не сомневайся!

– А что ж они такие противные-то? – сморщил нос Вася.

– Почему – противные? Красивые, – подняв вверх маслёнок, сказала Тоня. – Посмотри – те, которые чуть подросли, просто идеальной грибной формы. Это малыши на шарики похожи. Благородный гриб. В Москве за маслята в ресторанах кучу денег дают. Потому что вкусные они какие, знаешь!

– Не знаю... – снова потянув от гриба соплеобразную слизь, поморщился Вася.

– Поэтому они и называются «маслята», что они такие – как в масле уже, – объяснила Тоня, которая успела нарезать уже полведра. Ножик ей дал Василий – что и говорить, хорошо он подготовился к охоте на грибы.

– Я, если честно, в грибах-то и не разбираюсь, – заявил вдруг Вася.

– А как же про это место узнал? – удивилась Тоня.

– Да с отцом мы тут проезжали, смотрим – грибы. Много. Мы нарвали в пакет, домой привезли. Мать соседке показала, «Что за грибы?», спрашивает. А та и ответила, что очень хорошие, типа маслята. Мать из них суп сварила. Чёрный какой-то. Мы его вылили. А соседка потом сказала, что...

– Что надо было кожу со шляпок счищать! – засмеялась Тоня. – Эх, вы!.. Ничего, счистим, сварим – вкусно будет, тебе понравится.

Сбор грибов казался нереальным – маслят было столько, что их искать, как обычно, было не надо. А скоро даже наклоняться за ними стало лень. Забыв про отдых и еду, Тоня и Вася всё собирали и собирали грибы. И теперь они уже ползали по пружинистому мху – и отбирали только самые красивые, оставляя переросшие грибы и грибных малышей расти дальше.

Маша бегала между сосенками, ползала вслед за Васей и сестрой, валялась на моховом матрасе, кормила своего медведя грибами.

В безоблачном бело-голубом небе солнце клонилось к закату. И когда оно уже вот-вот должно было поравняться с верхушками высоких дальних сосен, Василий, с трудом разогнув спину, поднялся, отыскал взглядом свой «Муравей» и скомандовал:

– Девчонки, всё! Пора ехать!

Тоня очень хотела сказать: «Может, ещё чуть-чуть?». Но когда попыталась встать с четверенек, на которых провела последний час или даже больше, сообразила, что сил у неё больше нет. Поэтому она коротко бросила:

– Ага! – и чёрными липкими пальцами подняла очередное полное ведро.

Которое чуть не выпало – таким оказалось тяжелым. Хорошо, что Васька, почти не утративший шустрость, оказался рядом и подхватил его.

– Пойдём. – просто сказал он и улыбнулся.

И они с Тоней отправились к «Муравью».

«Он же хитрый! – думала Тоня на ходу. – Ему, наверно, нужен был человек, который бы подтвердил, что маслята настоящие. Вот он и привёз меня сюда. Но что ж он тогда так смотрит? Что ему может быть нужно?»

Она, конечно, ещё по рассказам московских подруг знала, что многие в их возрасте по-настоящему в кого-нибудь влюбляются. И что самым выдающимся является то, когда влюбляются в девчонок взрослые ребята. Но Васька-то ведь влюбиться не может! Во-первых, ему лет-то сколько? Явно меньше, чем ей, Тоне. Во-вторых, они знакомы всего полтора дня. Хотя Ромео с Джульеттой и меньше времени хватило... И, в-третьих, конечно, с чего можно подумать, что он влюбился-то? Вася же никаких поползновений не делает – целоваться там. Просто захотел человек дружить с ней и Машей – а она накрутила себе чёрт знает чего...

Подумав так, Тоня даже остановилась и топнула ногой, негодуя на себя, бестолковую.

– Ты чего? – тут же подскочил к ней Василий. – Что случилось?

– Ничего, – отмахнулась Тоня. – Просто камешек в ботинок попал.

В кузове, накрывшись телогрейкой, на пустом мешке преспокойно дремала Маша. А рядом с ней лежало два мешка грибов! Да, два мешка – один полный, под завязку, а другой ещё не полный. До тех пор, пока Вася не ссыпал в него ещё пару ведёр.

– Вот это урожай! – ахнул он.

– Всю ночь придётся чистить... – охнула Тоня.

– Зачем? – удивился Вася.

– А как же? Перерабатывать. Зачем же мы тогда их собирали?

– Ладно. Разберёмся, – махнул рукой Вася, который привык решать проблемы по мере их поступления. – Садись скорее, обратно с таким грузом медленнее ехать придётся. Ты не волнуйся, я вас аккуратно повезу.

– Спасибо.

– Да ладно, рано говорить – не довёз же ещё, – самым настоящим образом смутился Вася. Надо же, а Тоня подумала, что господина Константинова вообще ничего не смущает.

Васька каким-то образом тут же догадался, что о нём подумали хорошо, и подошёл к Тоне.

– Тонь... – сказал он, с явным трудом подбирая слова, – Ты какая-то такая... Ты очень такая... Можно, я тебя... отряхну? А то джинсы-то жалко...

И он показал на грязные коленки Тониных джинсов. Джинсы эти предназначались для школы – и были к тому же и парадной одеждой. Их действительно было жалко.

Тоня с облегчением вздохнула. Отряхнуть – это ничего не значит, это можно.

Явно легче стало и Ваське – и он быстро принялся смахивать грязь с Тониных коленок.

– И руки давай! – скомандовал он, беззастенчиво поплевал на Тонины ладонки и стал тереть их одна об другую. Слои засохшей грибной слизи, ставшей чёрной, скатывались с катышки и улетали прочь. Скоро на ладонях и пальцах показалась чистая кожа. А Василий, забыв, что надо торопиться, самозабвенно продолжал тереть.

– Всё, Вася, я дальше сама! – Тоня выдернула руки. – Ехать надо. И вообще...

– Что?

– Давай как-нибудь по-простому... – теперь уже Тоня, обычно рассудительная, не знала, как лучше сказать. – Давай просто как друзья. А то я буду волноваться и непонятно что про тебя думать. Договорились, Вась?

– А что ты будешь думать? – яркие вишни Васиных глаз бешено вспыхнули.

– Я ничего такого особенного про тебя не хочу думать, – твёрдо сказала Тоня, не отводя взгляда. – Но или мы просто дружим. Или придётся совсем не общаться.

На лице Васьки стала медленно появляться улыбка.

– Ты там у себя в Москве я не знаю чего навдумывала, – сказал он. – Или у вас там народ какой-нибудь с подвыподвертом. А у нас всё просто – что думаешь, то и говоришь. Что говоришь, то и делаешь. И если там что-то такое чувствуешь...

– Ничего не чувствуешь, – Тоня снова топнула ногой и схватила Васю за пуговицу куртки. – Или мы спокойно договариваемся, или одна девочка берёт свою сестру и уходит от тебя лесом.

Было видно, что она не шутит – и действительно уйдёт в свою деревню лесными тропинками, раз пообещала. Поэтому Василий, который так и не понял, что же не так он сказал, тут же закивал:

– Договориваемся, Тонь! Я ж ничего такого, я ж просто хотел, как лучше... Джинсы почистить...

И Тоне в очередной раз стало стыдно. Какая же она всё-таки вредная, злобная и неинтересная! Вот, конечно, и подтверждение тому, что из таких девочек и вырастают барышни, которых называют «синий чулок». Когда-то об этом Тоня в дамском журнале прочитала, когда разгадывала тест, и вышло, что она этот несчастный «чулок» и есть. Из всех описаний характеров, которые приводились в списке результатов, этот был самый противный. И до того этим самым «синим чулком» не хотелось быть, что Тоня тогда запулила злосчастный журнал за диван.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.